

Из истории социологической мысли

1991 г.

Э.Г. ЛАВРИК

БЕЗЗАБОТНОЕ ЧАДО ЕВРОПЕЙСКОГО СЕМЕЙСТВА

ЛАВРИК Элла Григорьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

На Западе последнюю треть XX века все чаще именуют «эпохой Хайека», сменившей «эпоху Кейнса», — временем господства ценностей свободного рынка над практикой государственного регулирования экономики. Но есть основания предполагать, что к концу текущего столетия «эпоха Кейнса» в какой-то мере вернется, а разумное регулирование экономики с элементами планирования — при широком демократическом контроле — будет признано адекватным орудием организации социальной жизни. Тем более, если схлынет эйфория приватизации, сменившая сейчас депрессию полного огосударствления в бывшем социалистическом лагере.

Джон Мейнард Кейнс (1883—1946) — ведущий английский экономист, создатель теории государственного регулирования экономики, ориентированной на эффективный спрос и — по возможности — полную занятость. Он был к тому же незаурядным финансистом, членом правления Английского банка, глубоким мыслителем и ярким публицистом. Наконец, один из вдохновителей Бреттон-Вудского соглашения 1944 г. о Международном валютном фонде и Международном банке реконструкции и развития — экономическом аналоге ООН (к которому только сейчас присоединяется СССР), он во многом сочувствовал социалистическим идеям.

Нельзя сказать, что выдающийся социальный мыслитель XX века не интересовался старой Россией. По крайней мере, он на должном уровне знал ее экономику и культуру, восхищался Л. Толстым, П. Чайковским, балетом Дягилева и даже русской математической школой.

Однако в двух публикуемых ниже работах речь пойдет о новой России, или, по словам Кейнса, «беззаботном чаде европейского семейства», переживавшем в 20-е годы фундаментальные сдвиги во всех областях общественной жизни. Причиной была Революция, которую подобно судьбе, удару молнии, извержению вулкана или иному проявлению стихии невозможно отвести, избежать. Кейнс посещал СССР трижды: в 1925, 1928 и 1937 гг. Первый раз он прибыл в Ленинград как представитель Кембриджского университета на празднование 200-летия Академии наук. Визит не прошел незамеченным, в кругу экономистов и хозяйственных деятелей Кейнс прочитал две интересные лекции об экономическом положении Англии, которое, вопреки распространенным идеологическим представлениям о «загнивающем капитализме», оказалось не таким уж удручающим. Оппонентом в дискуссии выступил Л. Троцкий.

Кроме официальной была еще и личная причина для посещения страны. Кейнс хотел познакомиться с родителями своей жены - блистательной балерины труппы Дягилева Лидии Лопокковой. Характеризуя этот брак как смелый шаг «истого кембриджца» (его отец был видным ученым-экономистом, а затем администратором университета, мать - одной из первых женщин, получивших здесь же научную степень), вдова

А. Маршалла и духовного наставника Кейнса — заметила: «это лучшее дело, которое когда-либо предпринимал Мейнард». Действительно, в лице Лидии Лопоковой (за четыре года до смерти мужа ставшей леди Кейнс) он нашел не только верного друга и помощника в делах (Лидия часто готовила для него обзоры русской прессы, пересказывала русские книги), но и воплощение «славянского гения», как называл Кейнс русский народ.

Быть может, этот биографический сюжет еще раз подчеркнет неистребимый оптимизм Кейнса в отношении России — страны, экономическую, политическую и духовную ситуацию которой он так точно и не без горечи оценивал в 1919 г. (посвятив ей один из заключительных параграфов книги «Экономические последствия мира»), а затем в 1922 и 1925 гг. (как видно из публикуемых текстов), и еще раз — в 1934 г., смело войдя (хотя и заочно) в число таких собеседников Сталина, как Г. Уэллс и Б. Шоу.

Кейнс постоянно предостерегал от эйфории по отношению к новому строю, предлагая в то же время дать ему шанс испытать лучшую судьбу. Вместе с тем он всегда оставался предельно жестким дельцом, предпочитавшим идеологическим обещаниям наличные деньги.

Уже в первом — и одном из ярчайших — произведений «Экономические последствия мира» Кейнс выступил за сотрудничество между европейскими государствами, причем, не только как приоритетную ценность во внешней политике, но и как экономически целесообразный процесс. Известно, что Ленин, не только страстно полемизируя с Кейнсом, но и положительно оценивая ряд его достижений, использовал положения этой книги при подготовке своих работ и выступлений в июле 1920 г., т.е. полгода спустя после ее выхода в свет. «Он пришел к выводам, которые сильнее, нагляднее, назидательнее, чем любой вывод коммуниста-революционера», — отмечал Ленин [1, с. 219] и даже писал: «Буржуа Кейнс говорит, что англичане должны для спасения своей жизни, для спасения английского хозяйства добиться, чтобы между Германией и Россией возобновились свободные торговые отношения!» [1, с. 225]. Однако его не слушали, и английский экономист уехал из Версаля ни с чем.

Поражение Кейнса-дипломата в 1919 г., когда он показал себя чуть ли не единственным здравомыслящим политиком, догадывавшимся не только о ближайших экономических, но и об отдаленных социальных последствиях мира, не обескуражило его. Он еще активнее стал заниматься проблемами восстановления Европы. Неплохо разбираясь в механизмах тогдашней международной дипломатии, в которой Кейнс отчетливо различил силы, стремящиеся к безраздельному господству в Европе, он увидел у нее желание создать преимущественные условия только для собственных капиталов, всячески приветствуя ради этого роль новой России. На Генуэзскую конференцию 1922 г. Кейнс поехал уже не в качестве советника по экономическим вопросам, а как корреспондент газеты «Манчестер гардиан». Но именно к его мнению прислушивались крупные газеты и ведущие политики мира. В частности, более чем дружеские отношения установились между ним и Чичериным, чье дипломатическое искусство Кейнс ценил очень высоко.

До половины всех его корреспонденций посвящено России, к экономическим и политическим инициативам которой английский экономист относился весьма взвешенно. И уж во всяком случае Кейнс не отлучал СССР от того, что сегодня именуется общеевропейским домом.

Итак, Генуя — крах очередных иллюзий о восстановлении Европы или медленное продвижение вперед с обязательным участием России? Наиболее вероятен, признает Кейнс, второй вариант. Ради вовлечения России в общеевропейскую орбиту надо примириться с тем, что страна никогда не сможет расплатиться с долгами царского правительства, а союз с Германией — не только выгодный дипломатический маневр, но и экономическая неизбежность. Одно из приложений к газете «Манчестер гардиан» Кейнс посвятил России. Здесь напечатаны статьи бывшего премьер-министра Италии Орландо, председателя Высшего экономического совета Англии Р. Сеслия, президента Американской федерации труда С. Гом-перса (он отличался особой неприязнью и даже злобой по отношению к Советской России), а также М. Горького, высоко оцененная Кейнсом как самый взвешенный взгляд на проблему. Статья называлась «Интеллигенция и революция» (кстати сказать, на русском языке она так и не опубликована).

В своих корреспонденциях Кейнс излагает мысли очень созвучные нынешнему дню.

Они касаются проблемы построения общеевропейского дома. В них выражается удовлетворенность от провала «доктринального режима», т.е. политики «военного коммунизма», указывается на необходимость экономической помощи Советской России, даже при условии некомпетентности ее властей.

Известны два письма Кейнса Ленину. Первое написано в декабре 1921 г. и передано через Артура Ренсома — английского журналиста, придерживавшегося левых взглядов, встречавшегося с Лениным, а затем — через Г. Чичерина. В письме выражена искренняя тревога Кейнса за судьбу экономического соглашения с Россией. Кейнс обещал Ленину опубликовать его соображения в своем печатном органе, дабы отыскать платформу для обсуждения проектов вложения иностранного капитала в Россию, налаживания мирных торговых отношений. 12 мая 1922 г. Кейнс повторяет свою просьбу, подчеркивая, что «весь мир... очень заинтересован и не может разобраться в отношениях России к другим странам» [2].

Поездка в 1925 г. в Ленинград и Москву ознаменовалась крупнейшей работой Кейнса о России. В 1932 г. в статье «Дилемма современного социализма» он отмечает, что новому строю присущи экономические ориентации на эффективность и стремление к достижению своих идеалов. Первые пока что не «работают», а второе заставляет людей верить в цели пятилетнего плана (за что Кейнс удостоился со стороны приверженцев Хайека клички «апологет плановости»). Кейнс резко критикует начинающую складываться в Европе тенденцию к национальной самодостаточности. Его анализ подводит к выводу: апелляции к замкнутости национальной экономики, ориентация на узкоэгоистическую политику, тенденция к консервации культуры — все это свидетельствует о социальной нестабильности западного общества. В статье «Национальная самодостаточность» Кейнс говорит о том, что идея созыва всеевропейской конференции в первой половине 30-х годов встретила непонимание тех, кто считал, что в рамках одного замкнутого государства легче добиться прогресса и политической стабильности. Так мыслили Сталин в России, Муссолини в Италии, а также лидеры Ирландии. Но если последняя — не слишком большая страна, чтобы испытать все невзгоды экономической катастрофы, то с Россией дело обстоит иначе. «Россия представляет собой худший пример административной несостоятельности, которую когда-либо видел мир» [3, р. 364].

Три опасности подстерегают сторонников самодостаточности и экономического национализма. Первая — доктринальная Глупость, стремление подмять экономику под надуманные идеологические идеи, нежелание отказаться от них даже перед лицом грозящей разрухи, стремление совместить несовместимое — новую религию коммунизма и бизнес. Вторая и еще большая опасность — Спешка, ускорение. «Экономическое переустройство общества — дело, осуществляемое медленно... Жертвы и потери переходного периода могут возрасти, если двигаться еще быстрее. В еще большей мере это справедливо по отношению к увеличивающейся национальной самодостаточности и планируемой замкнутой экономике. Ведь сущность экономических процессов должна лежать во времени. Быстрый переход влечет столь быстрое и очевидное разрушение национального богатства, что новое состояние дел окажется поначалу намного хуже, чем старое, а великий эксперимент будет дискредитирован» [3, р. 366].

Третья опасность — Нетерпимость, любовь к насилию, превращающая жизненные отправления в окаменелую пропаганду. И здесь Россия опять впереди.

Указанные недостатки в корне подрывают всякую возможность использовать мощный инструмент регуляции, каким является план. Таким образом, в начале 30-х годов Кейнс проникается идеей необходимости государственного регулирования экономики, но отнюдь не в русском его варианте. В 1936 г. выходит его фундаментальная монография «Общая теория занятости, процента и денег». К этому времени за спиной автора был уже немалый опыт преподавания экономики и математики в Кембридже (с 1908 г.), редактирования ведущего «Экономического журнала» (с 1912 г.), деятельности в Британском казначействе (с 1915 г.), посещения Индии, участия в международных форумах и даже предпринимательства в сфере искусства (Кейнс неплохо разбирался в картинах и балете). К концу 30-х годов Кейнс — автор широко известных книг: «Денежное обращение и финансы Индии» (1913), «Трактат о денежной реформе» (1923). «Трактат о деньгах», (1930), «Экономические последствия Версальского мирного договора» (1919) и «Пересмотр договора» (1922).

Идеи самого Кейнса вовсе не равнозначны «кейнсианству», что почти всегда ставило в тупик теоретиков и историков экономики. Он полагал, что место саморегулирующейся ры-яочной экономики и вызываемых ею (по крайней мере, в 30-е годы) перепроизводства, недопотребления и массовой безработицы должна занять продуманная стратегия государственного вмешательства, которая стимулировала бы спрос и предложение, сократила бы бремя бюджетного дефицита. Все это касалось только капитализма, поэтому связывать рекомендации Кейнса с социализмом (как поступает Ф. Хайек) вряд ли правомерно (недаром М. Тэтчер выражала свою приверженность именно взглядам Кейнса). Опираясь на положения «Трактата о вероятности» (1921), можно утверждать, что его автор не является ни подрывателем основ капитализма, ни его спасителем. Основной пафос мысли Кейнса — вероятностный характер социальных процессов.

Среди политических работ о России следует выделить статью «Мистер Кейнс отвечает Шоу» — блестящий памфлет на Сталина, которого он сравнивал с граммофоном (ранее сравнивал Троцкого с фонографом). После смерти Ленина Кейнс постоянно держал в поле зрения обе политические фигуры. Троцкий, клеймящий английских социалистов — «пошлых и бесполезных богословов», по мнению Кейнса, сам тяготеет к бесполезному и скучному квазибогословскому словотворчеству. Всемирную революцию он призывает не иначе как с помощью заклинаний, крикливых призывов к деструктивному насилию и разрушению социума. В свою очередь и Кейнс удостоился от Троцкого в 1925 г. полупрезрительной клички «неомальтузианец». В Сталине Кейнс видел человека, «систематически разрушающего старую коммунистическую партию», он — диктатор, способный заключить эвентуальное соглашение с любым другим диктатором, например, Гитлером. Такое заключение сделал Кейнс еще в июле 1937 г. (в письме к издателю Кингсли) [4, р. 142]. Вместе с тем Кейнс поддерживал политику России, направленную на защиту Испании, а затем и Чехословакии от угрозы фашизма.

Война показала правильность экономического курса, провозглашенного Кейнсом в книге «Как оплатить войну» (1940), и его политическую прозорливость — он с первых дней не сомневался в поражении фашизма. В 1942 г. Кейнс становится пэром Англии и одновременно одним из директоров Английского банка. К его мнению прислушивается президент США Ф. Рузвельт, а в переговорах 1945 г. о ленд-лизе и американских займах Британии Кейнс — ключевая фигура. Тогда же он участвует в подготовке Белой книги, обосновывающей необходимость улучшения положения рабочих. Умер Кейнс в результате затяжной болезни сердца.

Во время войны Кейнс восторгался величием советского народа, говорил о необходимости помогать ему всем, чем можно, высоко ценил личные и деловые качества советских дипломатов.

Вместе с тем он предостерегал: «Принято считать, что русские кредиты — лучшие в мире. Не верьте этому! Русские будут делать то, что подходит им, и делать тогда, когда обстоятельства изменятся к лучшему. (Те, кто требуют для России кредиты, тем самым доказывают, что мы рискуем потерять наши деньги, если будем настаивать на соблюдении сроков выплаты по тем кредитам, которые они уже у нас взяли.) Никакие другие кредиты для заграничных займов не являются столь ненадежными. Если бы даже было так, что гарантии на их кредиты были вполне достаточны, то и в этом случае мы находились бы в том положении, когда не можем одалживать, а они — платить. Более того, небольшое одолжение, которое можно сделать для России, рассматривалось бы там как мелочь, и она смеялась бы нам в лицо. Поэтому наша политика по отношению к России должна быть реалистической и твердой до конца. В частности, она должна оплачивать звонкой монетой все поставки, полученные ею из стран, где преобладает стерлинг, после окончания войны с Германией, — даже если она переоценит свое отношение к Японии. Здесь тот случай, когда слабость не служит добру, а не та ситуация, когда наш экспорт надо ускорять кредитами. Россия способна платить нам звонкой монетой теперь, она будет в состоянии делать это через пять или десять лет. И легче заставить платить ее за товары, которые ей нужны, еще до того, как она их получит, чем после» [5, р. 57—58]. Если даже поверить экономистам неоклассического толка, будто Кейнс склонен к социализму, то судя по цитате вряд ли подобная оценка применима к победившему именно в тот период его советскому варианту.

Несколько слов о публикуемых ниже материалах. Первый представляет собой вводную

статью к уже упоминавшемуся приложению к газете «Манчестер гардиан». Еще до участия в Генуэзской конференции 1922 г. Кейнс выпустил ряд подобных приложений (о морском флоте, финансовой системе и т.д.) на ведущих европейских языках. К участию о приложении о России он привлек ведущих экономистов и политиков как Европы, так и Америки. Настойчиво добивался участия Ленина, чья болезнь помешала реализовать такую возможность.

Во второй публикации используется религиозная лексика, но истолкованная Кейнсом особо. Если русские философы-эмигранты прибегали к ней как к метафоре, осуждая антихристианский дух большевизма (достаточно вспомнить «Самопознание» Бердяева), а «попутчики» Запада сравнивали грядущее торжество коммунизма с исторической победой христианства, то Кейнс употреблял термин «религия» аналитически. Он приводил религию и бизнес как способы организации социальной жизни по разные стороны. Коммунистическая идеология — особый тип религии, т.е. «новая религия». Она доступна толпе и апеллирует к ее энтузиазму, а не к смирению и аскезе, самосозерцанию и углубленному миро-чувствию. Новая религия нетерпима к иноверцам-инакомыслящим и сеет скорее зло, а не мир и покой. Она вызывает у своих сторонников непомерные амбиции по переустройству вселенной, трудовой энтузиазм и жертвенность. Огромное число злоупотреблений и ошибок, ставший массовым явлением экономической абсурд и политическую некомпетентность руководителей, вероятно, можно объяснить как естественное продолжение непомерности иллюзий о принципиальной совместимости свободы (побуждающей одного, но связывающей других), справедливости, неодинаковой для многих, и равенства, угнетающего большинство и никогда не достигаемого этим большинством.

Религия для Кейнса — не столько ориентация на потусторонность, сколько миро-чувствие «практических идеалистов». Намеренно приземляя высшие идеалы, большевики осуществляют реальные и в чем-то неизбежные для России социально-экономические преобразования, уповая в итоге на кажущееся полным воплощение идеалов, тем самым являя миру соблазн окончательных решений, соблазн, неизменно присущий душе человека. Действительно, не его ли предлагали пуритане в XVII веке и якобинцы в XVIII? Соблазн весьма опасный, ибо он связан с отвержением небес (как пелось в одной из революционных песен того времени) и упованием на рай, немедленно устанавливаемый на земле. Именно так, видимо, можно расшифровать одно из положений Кейнса о том, что Россия находится ближе всех «и к земле, и к небесам».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41.
2. Письма В.И. Ленину из-за рубежа. М.: Мысль. 1969. С. 240-241.
3. Keynes J. Collected writings. L.: Royal Economic Society, 1978. V. IX.
4. Keynes J. Collected writings. L.: Royal Economic Society, 1982. V. XXVIII.
5. Keynes J. Collected writings. L.: Royal Economic Society, 1980. V. XXIV.